

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 11.

15 МАРТА 1859.

Выходить одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ музыкальныхъ: Ленгольда и братьевъ Шильбахъ, и въ книжныхъ: Базунова, Щепкина и Свишникова.

Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ 1 №-ра со всѣми приложеніями.

Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Гитнера, кв. № 23.

Бъ № 11-му предлагается: мазурка, соч. графа Г. А. Буселева-Безбородко, аранжированная для скрипки съ аккомпаниментомъ фортепіано А. Мпикусомъ.

Мы извѣщали уже о назначеніи г-жи Бозио первую пѣвицею Ихъ Императорскихъ Величествъ. Нынѣ въ Journal de St. Petersburg пишутъ, что по этому случаю г-жа Бозио удостоилась получить золотую медаль съ изображеніемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, вѣшанную въ великолѣпный браслетъ. Медаль утверждена въ кругу изъ брилліантовъ, окружающемъ лавровую гирлянду изъ брилліантовъ, равно какъ и Императорскую корону, надъ нею находящуюся; на оборотѣ медали надпись: «за заслуги». Браслетъ замѣчательнъ своею художественною отдѣлкою. Въ Россіи г-жа Бозио первая пѣвица, удостоившаяся такой награды.

СВВ. ПЧ.

Содержаніе: Концерты (А. П. Сѣрова и М. Раппапорта).— Вѣсти отовсюду (М. Р.).— Перестройка театровъ.— Юность Бетховена.— Музыкальные извѣстія.

КОНЦЕРТЫ.

(Ф. Лаубъ и А. Рубинштейнъ).

Во второмъ своемъ концертѣ (въ воскресенье, 8-го марта, въ залѣ Благороднаго Собранія) нашъ Берлинскій гость далъ намъ новыя наслажденія. На афишѣ стояло: Бетховенскій концертъ для скрипки, — адажіо и fuga Баха для одной скрипки безъ аккомпанемента, повторенье фантазій Эриста

№ 11

на «Отелло» и въ заключенье маленькая піеска съ оркестромъ (Rondo scherzoso) самого концертиста.

Когда надобно давать отчетъ о Бетховенской музыкѣ, исполнитель—хотя бы это былъ Листъ, Іоachimъ или Лаубъ, долженъ отступить на второй планъ и смиренно дожидаться своей очереди. Бетховенъ, какъ левъ басни, своими могучими звуками произноситъ:

«вотъ эта часть-моя»

и музыкальные судьи, если они дѣйствительно музыкальны, не могутъ не послушаться этого царскаго повелѣнія.

Какъ прозрачно задумана музыка этого истинно-симфоническаго концерта для скрипки! (хотя слова «симфоническій» въ заглавіи нѣтъ). Времена были проще и Бетховенъ въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ прибавлялъ къ своимъ сочиненіямъ особые эпитеты).

Какъ органически-последовательно проведена чрезъ все первое аллегро ритмическая мысль, которою *литавры* открываютъ концертъ! Эта мысль—будто *пульсъ* всего сочиненія и возвращается часто-совсѣмъ неожиданно сквозь калейдоскопическія видоизмѣненія другихъ мелодій, то свѣтлыхъ, радостныхъ, то проникнутыхъ какою-то ангельскою задумчивостью и грустію... Широко, длинно развито это первое аллегро, но оно кажется коротко, потому что переполняетъ душу волненіемъ сладостнымъ, болѣе всего отъ *простоты*, естественности своихъ мелодическихъ мыслей. Какая-то божественная *откровенность*, главный характеръ этой чудесной музыки!

Въ концѣ, на ферматѣ—исполнитель помѣстилъ *свою* каденцу (какъ того требовало намѣреніе Бетховена). Онъ мастерски проникся своею задачею, довольно-близко подошелъ къ духу Бетховенской мысли, а въ техническихъ приѣмахъ, т. е. все время въ *два* голоса, съ прихватываніемъ третьяго на третьей струнѣ, усвоилъ себѣ Баховскую манеру писать полифонически (многоголосно) для единичнаго инструмента. По окончаніи аллегро Лаубъ былъ осыпанъ восторженными руко-

плесканіями, которыя точно также заслужилъ бы, еслибъ вся публика на этотъ разъ состояла изъ первѣйшихъ знатоковъ музыки въ свѣтѣ.

Но, послѣ рукоплесканій, Лаубъ скрылся въ оркестръ, на эстрадѣ появилась г-жа Соколова... Такъ мы не услышимъ значить, ни дивнаго лагетто изъ этого Бетховенскаго концерта, ни рондо...! Это порядочное преступленье противъ Бетховена врядъ ли слѣдуетъ прощать даже такому артисту какъ Лаубъ. Говорятъ, что онъ былъ утомленъ, — вѣримъ, но тогда лучше отложить весь концертъ до болѣе благоприятнаго времени. Говорятъ онъ долженъ былъ спѣшить, чтобъ поспѣть на музыкальный вечеръ у двора, — надо было иначе составить программу. Мы пожертвовали бы и фантазіей на Отелло и заключительной піесой, лишь бы *львиная доля* досталась намъ цѣлкомъ!

Помирить насъ съ собой Лаубъ могъ только изумительно-совершеннымъ исполненіемъ Баховской піесы для одной скрипки.

Возлѣ меня сидѣлъ одинъ меломанъ, котораго всѣ встрѣчаютъ во всѣхъ концертахъ и во всѣхъ италіянскихъ спектакляхъ. Онъ громко выражалъ свое мнѣніе, что въ Бахѣ нѣтъ ни капли *мелодіи*, что если это — музыка, то значить Россіини и Беллини не музыку писали, а что-то совсѣмъ другое... Такое мнѣніе готовы раздѣлить многіе и многіе изъ числа недовольныхъ тѣмъ, что въ Д. Жуанѣ, напримѣръ, не встрѣчаютъ ни двухъ тактовъ такихъ какъ «Leonora, addio!!!» изъ «Trovatore».

Но отъ всего этого Бахъ не перестанетъ быть великимъ, быть можетъ, *величайшимъ* мелодистомъ. Только онъ любитъ заставлять нѣтъ не одинъ голосъ, а *многіе* разомъ, создаетъ не одну нить мелодическую, а цѣлую ткань одновременныхъ мелодій.

Для ушей воспитавшихъ себя на формахъ новѣйшей италіянской музыки элементъ «полифоніи» чуждъ, дикъ, непріятенъ. — Это понятно. Наконецъ и самый *аскетизмъ* Баха дѣйствуетъ непріязненно на публику неподготовленную къ этимъ глубинамъ психическаго міра, къ этимъ таинственнымъ катакомбамъ духа, куда Бахъ проникаетъ властительно и ведетъ за собою слушателя исполненнаго къ нему довѣрія и любви...

Сосѣдъ мой отдохнулъ отъ тяжелой для него Баховщины на мелодіяхъ марша изъ «Отелло» и «*assisa al piè d'un salice*». Спорю нѣтъ, что это, достигнуто. Спорю нѣтъ также, что это, въ своемъ родѣ, великолѣпно хорошо, особенно въ исполненіи такимъ страстнымъ смычкомъ, какъ Лаубовъ!

Въ нынѣшній разъ Лаубъ сыгралъ фантазію Эриста еще лучше, еще блистательнѣе чѣмъ въ первомъ своемъ концертѣ.

Заключительная піеска концерта, шаловливое рондо, разсчитанное на эффектъ, но съ очень-милыми, оригинальными выходами въ соло и въ оркестръ.

Въ промежуткахъ игры знаменитаго скрипача, мы слушали отрывокъ (!) концерта Мендельсона для фортепіано, очень-исправно и совкусомъ исполненный г. Сантисомъ; нѣмецкую пѣсню объ Рейнѣ, очень-хорошо исполненную баритономъ русской оперы, г. Ратковскимъ (онъ большой мастеръ на пѣніе романсовъ и «Lieder» Шуберта и Шумана); и три раза пѣніе дѣвочки Соколовой (даровитой любительницы). Въ отрывкѣ «Ахъ не мнѣ бѣдному» изъ Жизни за Царя она была не совѣмъ на мѣстѣ, не попяла настоящаго драматическаго характера этой дивной музыки (которую, впрочемъ, *всегда* досадно слы-

шать оторванною отъ оперы, и обрѣзанною въ видѣ *аріи*, вмѣсто терцета!).

Въ нѣмецкой пѣсенкѣ (намъ неизвѣстной ни текстомъ, ни музыкой) замѣчательный голосъ г-жи Соколовой выступилъ несравненно-выгоднѣе, и спѣла она эту граціозную вещь весьма-мило. Почти такого же одобренія заслуживало исполненіе прелестнаго романса А. С. Даргомыжскаго «Безумная». Жаль только, что это *заглавіе* или лучше: *первое слово* текста даетъ исполнителямъ поводъ понимать характеръ романса *превратно*. Драматизмъ тутъ очень тонкій, комнатный, а не размахъ италіянской *мелодрамы* съ завываніями и долго-долго протянутой «предпоследней» ноткой.

Въ среду, 11-го марта, въ Большомъ Театрѣ великолѣпно состоялся концертъ Антона Рубинштейна. Великолѣпно, потому что публика наполнила почти весь театръ и притомъ публика отборная, цвѣтъ петербургскаго общества. Аплодисменты, вызовы, букеты, вѣнки... всего вдоволь, какъ и ожидать слѣдовало, потому что такія продѣлки *теперь* очень-легко организуются, притомъ г. Рубинштейнъ уже знаменитость и съ *одной* стороны вполне заработалъ свою быстрорастущую славу. Эта сторона — его виртуозность, какъ исполнила.

Громадное развитіе техники, — мастерское, полное владѣчество надъ инструментомъ, богатство оттѣнковъ во фразировкѣ, въ характерѣ исполняемаго, энергія громоносная, которая встрѣчается только у Листа, вотъ качества, которыя дѣлаютъ г. Рубинштейна виртуозомъ первостепеннымъ, и заставляютъ не обращать вниманія на мелькающія иногда въ его игрѣ мелкіе недостатки отчетливости.

Упомянувъ о Листѣ, я долженъ сдѣлать оговорку, что и Рубинштейна, по настоящему, съ Листомъ и сравнивать нельзя. Если скажемъ, и довольно-справедливо, что Рубинштейнъ *первый послѣ* Листа, то это словечко «послѣ» вмѣщаетъ въ себѣ еще цѣлыя неизмѣримыя бездны, которыя Рубинштейнъ не перешагнетъ *никогда*. Онъ и самъ это чувствуетъ и знаетъ.

Но, не мѣряя своихъ силъ съ Веймарскимъ титаномъ, занимать первостепенное мѣсто, какъ виртуозъ, дѣло въ искусствѣ, весьма почетное, кажется; — такимъ мѣстечкомъ можно быть довольнымъ, со стороны даже одного самолюбія и честолюбія артистическаго (не говоря уже о *матеріальныхъ* сторукахъ).

Напротивъ, г. Рубинштейну этого мало; онъ считаетъ виртуозность свою положительно дѣломъ второстепеннымъ, въ сравненіи съ своимъ талантомъ «композиторскимъ» и цѣлые круги друзей его и поклонниковъ поддерживаютъ его въ такомъ убѣжденіи, серьезно увѣряя его, что онъ — новый Бетховенъ.

Муза звуковъ, между тѣмъ, никакъ не допускаетъ слишкомъ-вольнаго съ собою обращенія, жестоко отмщаетъ за себя на самомъ же г. Рубинштейнѣ.

Онъ въ тысячу разъ играетъ лучше, и въ тысячу разъ больше производитъ впечатлѣнія, когда исполняетъ чужое, нежели когда исполняетъ *свое*.

Въ нынѣшній разъ онъ игралъ нѣсколько маленькихъ піесъ: покторіи Филда, Lied ohne Worte Мендельсона, Berceuse Шопена. Эта галерея пѣшительныхъ музыкальных картинокъ, превосходно-исполненныхъ, была положительно лучшими минутами, отрадою всего вечера.

Еще было много очаровательнаго впечатлѣнія въ піескѣ, которую Рубинштейнъ исполнялъ несмѣтное количество

разъ въ своихъ концертахъ по всѣмъ столицамъ Европы: въ маршѣ Бетховена изъ «Аѳинскихъ развалинъ». Пріятность и красота впечатлѣнія тутъ, впрочемъ, чисто-чувственная, прелестно-расчитанная постепенность въ *убываніи* звуковъ (*decrescendo*).

Удивляюсь только что ни берлинскіе, ни вѣнскіе критики не замѣтили г. Рубинштейну (парижскіе этого дѣла вовсе не знаютъ, о нихъ и рѣчи нѣтъ), что взявъ *слишкомъ быстрый* темпъ въ этомъ турецкомъ маршѣ, сдѣлавъ изъ него «un pezzo di bravura» виртуозъ немножко исказилъ характеръ этой музыки. Бетховенъ тутъ не могъ хотѣть *такой* быстроты, à la polka tremblante, которая была бы не согласна съ движеніемъ «марша» и съ восточною флегмою янычаровъ.

Въ «поктюрнѣ» Фильда, въ чудесной «Verseuse» Шопена (повторенной, по требованію публики, также какъ и турецкій маршъ),—такъ и тянетъ къ нимъ возвратиться!—были деликатнѣйшіе оттѣнки исполненія, была обворожительная «пѣвучесть» которой на фортепиано достигаютъ только первые изъ первѣйшихъ.

Но ни въ большомъ концертѣ съ оркестромъ (F-dur, тотъ же, что былъ исполненъ въ университетскихъ утрахъ) ни въ мелкихъ піесахъ: Баркарола, Скерцо, Романсъ и Этюдъ сочиненія г. Рубинштейна, такихъ *оттѣнковъ* въ исполненіи—увы!—не было. Причина простая: ихъ *нѣтъ* и въ самыхъ сочиненіяхъ. Въ произведеніяхъ этихъ господствуетъ одинъ общій колоритъ,—«однообразіе».

Творчество г. Рубинштейна принадлежитъ именно къ тому роду, который *одни*, изъ всѣхъ возможныхъ, не должны быть допущены въ поэтическія области по словамъ Вольтера: *le genre epiqueux*.

Въ Мендельсоновской музыкѣ, къ несчастію встрѣчалась *эта самая* жилка, и въ довольно сильной степени. Апострофъ ея—симфонія-кантата «Lobgesang».

Рубинштейнъ взялъ себѣ *идеаломъ* эту сторону Мендельсона и разрабатываетъ ее даже съ прогрессомъ.

Симфонія «Океанъ», наполнившая собою всю вторую половину вечера и хорошо дирижированная самимъ авторомъ, принадлежитъ совершенно къ тому же *роду* музыки.

Владѣніе техническими средствами фактуры—сильное; фигуръ, рисунковъ оркестра много, иногда довольно запутанныхъ и все это слѣплено, сведено довольно-удачно. Образцомъ, конечно, служила Мендельсонова увертюра: *Meeresstille und glückliche Fahrt*. Въ лучшихъ, нѣсколько-ясныхъ мѣстахъ оркестровка шумная, грубая въ родѣ балетной музыки Пуччи et consortes; истинно симфоническаго «стиля» мало; способности къ тонкостямъ оркестровки, замѣтить нельзя, а главное: всему сочиненію недостаетъ того поэтическаго дыханія, того неуволнимаго навѣянія—«un certo non sò chè»—что—говоря о музыкѣ, надобно называть просто: *самой музыкой*.—За малымъ дѣло стало!

Симфонія «Океанъ» (которая исполняется во многихъ городахъ музыкальнаго міра, а недавно перебралась и за океанъ, т. е. въ Нью-Йоркъ), въ общемъ впечатлѣніи крайне-скудна. Иногда, кажется—такъ какъ подробная программа симфоніи намъ неизвѣстна, будто авторъ хотѣлъ исключительно передать *тоску* отъ постоянно-однообразнаго зрѣлища, неба и воды... Какъ входятъ въ программу океана въ спокойствіи, или океана въ волненіи, такіа грубовато-плясовые мысли какъ въ 3-й части симфоніи, для меня это загадка. Въ прежнія времена объявляли бы это балетамъ тритоновъ, но теперь тритоны встрѣчаются только въ трактатахъ о гармоніи.

Написать бездну партитурныхъ страницъ, созвать громадную силу оркестра, пригласить лучшее общество Петербурга, для *такихъ* впечатлѣній!...

Впрочемъ, это мое единичное мнѣніе. Что значить мой голосъ противъ всей массы голосовъ, которые *теперь* (когда Рубинштейнъ вошелъ въ моду) готовы кричать браво за каждый тактъ, за каждую нотку? Что значать мои одинокія строки когда въ Вѣнѣ, напримѣръ, одинъ досужій критикъ посвящалъ разборъ Рубинштейновыхъ твореній цѣлые ряды статей, цѣлыя брошюры (Rubinstein als Clavier-componist, Rubinstein als Quartett-componist, Rubinstein als Contrapunktist etc.) что значить убѣжденіе критики, противъ всеобщаго «моднаго» убѣжденія, что г. Рубинштейнъ, въ качествѣ «русскаго» (?) артиста, своими національными произведеніями (какъ опера Куликовская Битва, напримѣръ, или музыка къ баснямъ Крылова?) приносить великую честь нашему отечеству и затмилъ собою Глинку, объ остальныхъ уже и не упоминая..?

Но вольному воля, никто не можетъ мнѣ запретить думать по своему и выражать мои мысли печатно, на пользу искусства и его пониманія. Композиторство г. Рубинштейна, хотя бы онъ написалъ въ теченіе одного года еще сотню сочиненій (онъ работаетъ какъ скоропечатный станокъ), по моему мнѣнію идетъ параллельно со многими нынѣшними *нѣмецкими* сочинителями симфоній и квартетовъ «средней руки»—а затѣмъ, не только не позволяетъ мнѣ поставить его на одну доску съ гениальнымъ Глинкой, честью и славою русской музыки, но приводитъ къ слѣдующей дилеммѣ:

или: 1, г. Рубинштейнъ—великій мистификаторъ, себѣ на-умѣ; т. е. онъ *знаетъ*, что не можетъ создавать истинную музыку, но знаніе это держитъ просебя, придавая своей композиторской дѣятельности чрезвычайный вѣсъ, à plomb, дѣйствуя рѣшительно и деспотически, заставляя европейскихъ музыкантовъ играть свои квинтеты, квартеты, сонаты, симфоніи и ораторіи; заставляя издателей Лейпцигскихъ и Берлинскихъ печатать всю эту «не музыку» лучшимъ потнымъ шрифтомъ и на лучшей бумагѣ, заставляя критиковъ нѣмецкихъ трудиться надъ разборами и панегириками въ честь этихъ мистификацій (какъ онъ въ этомъ успѣваетъ—его тайта), заставляя наконецъ публику слушать весь этотъ наплывъ—потъ (благодаря своему искусству виртуозному, своей многоувѣренности въ начинаніяхъ и другимъ обстоятельствамъ).

или 2, г. Рубинштейнъ *не знаетъ, не чувствуетъ* своей неспособности дарить людямъ новую музыкальную красоту, и глубоко вѣритъ въ свое призваніе, котораго нѣтъ. О такомъ заблужденіи, встрѣчаемомъ впрочемъ перѣдко, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, остается только сожалѣть.

Въ промежуткахъ игры концертнста было нѣсколько нумеровъ пѣнія. Г-жа Бокъ сдѣлалась въ нынѣшнемъ году «облигатною» участницею концертовъ (primadonna assoluta).

Въ началѣ концерта дали увертюру Бетховена «Коріоланъ».—Она шла исправно, только въ темпѣ черезъ чуръ скоромъ, весьма-невыгодномъ для трудной работы виолончелей въ средніе піесы. Контрастъ между музыкой Коріолана и между фортепианнымъ концертомъ г. Рубинштейна былъ слишкомъ силенъ.—Это неразсчитливо.

А. СВРОВЪ.

*

КОНЦЕРТЫ: гг. Герца, Антона Контскаго, Ютти.—**ПРЕДСТОЯЩИЕ КОНЦЕРТЫ:** гг. Лауба, Аполлиария Контскаго, концертъ въ пользу инвалидов.—Три карлика.

Концертъ г. Герца, какъ мы ожидали, привлекъ въ прошедшій понедѣльникъ многочисленную публику. Его встрѣтили громко, шумно; каждому почти изъ присутствовавшихъ появленіе знаменитаго артиста напомнило годы первой юности: кто только играетъ на фортепіано, долженъ былъ начать съ упражненій Герца, затѣмъ постоянно разыгрывать его блестящія варіаціи, концерты и пр. и пр. Сколько талантовъ обязано ему своимъ развитіемъ, большая часть славныхъ современныхъ пианистовъ обязана ему своею славою, однимъ словомъ заслуги Герца въ дѣлѣ усовершенствованія фортепіанной игры несомнѣнны, и неудивительно, что его встрѣтили восторженно. Въ настоящее время виртуозность дошла до высшихъ, кажется, предѣловъ и конечно отъ игры г. Герца нельзя требовать современной виртуозности, но несмотря на то, съ ней весьма интересно познакомиться, потому что, какъ бы проста она намъ ни казалась, все-таки она образцовая и отличается индивидуальностію, необыкновенною чистотою и изяществомъ. Г. Герцъ играетъ спокойно, безъ особеннаго увлеченія; онъ не поражаетъ, но производитъ пріятное впечатлѣніе; туше его чрезвычайно пріятное, вообще игра жемчужная (*perlé*). Если г. Герцъ болѣе напоминаетъ свое знаменитое прошлое и въ настоящемъ долженъ уступить современнымъ виртуозамъ, то въ замѣнъ имя его останется навсегда въ музыкальных лѣтонисяхъ, тогда какъ многимъ изъ блестящихъ нынѣ звѣздъ суждено весьма-скоро исчезнуть, чтобы никогда болѣе не являться на музыкальномъ горизонтѣ. Г. Герцъ исполнилъ въ своемъ первомъ концертѣ 5-ый свой концертъ, вальсъ и маршъ (*Californienne*) и фантазію на мотивы изъ *Дочери полка*. Всѣ эти сочиненія также блестящи, какъ игра г. Герца; всѣ онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ индивидуальности, по которой сейчасъ можно узнать композитора; вообще же высказанное нами объ исполненіи можно вполне примѣнить и къ его произведеніямъ. «*La Californienne*» было повторено по общему требованію. Въ продолженіе всего вечера аплодисменты не умолкали и артиста вызывали послѣ каждой пѣсень нѣсколько разъ. Въ концертѣ принимали участіе г-жа Бокъ и г. Вурмъ. Прекрасный инструментъ, на которомъ игралъ г. Герцъ, превосходитъ, какъ мы уже говорили, изъ его фабрики и служитъ доказательствомъ, что г. Герцъ дѣйствительно и замѣчательный фабрикантъ. Въ другой разъ поговоримъ объ этихъ инструментахъ подробнѣе, подождемъ еще слѣдующихъ концертовъ. Въ будущую пятницу назначенъ 2-ой и послѣдній концертъ г. Герца (въ Большомъ же Театрѣ). Въ немъ между прочимъ исполненъ будетъ новый 6-й концертъ его съ хорами и большимъ оркестромъ; объ успѣхѣ этого концерта въ Парижѣ говорено было въ свое время въ Вѣстникѣ.

Второй музыкальный вечеръ Антона Контскаго во вторникъ былъ еще блистательнѣе, восторженнѣе перваго. Исполнены были: квартетъ Моцарта, тріо Гайдна, тріо концерта и др. пѣсень. Какъ все это было исполнено, считаемъ излишнимъ говорить: лучшимъ отвѣтомъ на это всеобщій, единодушный восторгъ слушателей. Тріо нашего сотрудника еще удачнѣе перваго и произвело большое впечатлѣніе. Въ особенности прелестно скерцо, которое по общему требованію было повторено; финалъ необыкновенно эффектенъ. Главный интересъ этого вечера сосредоточенъ былъ на маленькомъ

ученикѣ Контскаго, Викторѣ Чечотѣ, съ необыкновенною увѣренностію и одушевленіемъ исполнившемъ съ своимъ учителемъ (на два фортепіано) трудную фантазію на испанскіе мотивы. Чечотъ, какъ мы говорили, феноменальное явленіе: онъ не только общается выйти изъ ряда обыкновенныхъ виртуозовъ, но въ немъ сильно проявляется уже и композиторскій даръ. Безъ помощи флигеля онъ безъ ошибокъ написалъ нѣсколько сочиненій для фортепіано и даже дуэтъ и тріо для фортепіано, скрипки и виолончели. Обязанность Вѣстника знакомить читателей съ замѣчательными музыкальными явленіями, въ особенности отечественными,—на этомъ основаніи мы въ скоромъ времени помѣстимъ въ музыкальных приложеніяхъ журнала нашего, въ видѣ образчика, одно изъ сочиненій Чечота и тогда сообщимъ о немъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія; теперь скажемъ только, что Провидѣніе видимо покровительствуетъ молодому таланту. Почти сирота, онъ имѣлъ счастье понасть въ домъ истинно-благородныхъ людей, полюбившихъ малютку точно родное дитя и окружившихъ его всѣми возможными попеченіями. Не считаемъ себя вправе упомянуть здѣсь имя благотворителей, но не можемъ не поблагодарить ихъ отъ всей души, отъ имени всѣхъ, кому дорого искусство. Они не пропускаютъ ни одного случая, который бы могъ послужить въ пользу ихъ питомца и содѣйствовать развитію его таланта и, благодаря ихъ заботливости, талантъ ребенка идетъ все впередъ, однимъ словомъ—въ лицѣ ихъ маленькій Викторъ нашелъ нѣжнѣйшую мать и въ высшей степени заботливаго отца. Второго отца нашелъ онъ въ лицѣ своего учителя, занявшагося музыкальнымъ образованіемъ его съ полнымъ артистическимъ увлеченіемъ; подъ такимъ руководствомъ нечего и удивляться, что талантливый ребенокъ дѣлаетъ быстрые успѣхи. Контскій полюбилъ своего ученика страстно, какъ могутъ любить только истинные артисты, и, весьма понятно, употребляетъ всѣ усилія передать ему свой талантъ. Но не станемъ болѣе распространяться о благородномъ поступкѣ благотворителей Чечота, тутъ дѣло краснорѣчивѣе всего говорить само-за-себя, намъ остается только прибавить, что будущій нашъ артистъ дебютировалъ необыкновенно блистательно; намъ казалось, что знаменитый Антонъ Контскій долженъ возродиться въ немъ. Дай-то Богъ, отъ-души желаемъ этого талантливому ребенку и, главное, желаемъ, чтобы талантъ его развивался; мы всегда опасаемся за гениальныхъ дѣтей: не многоимъ изъ нихъ суждено довершить славно начатое поприще; будемъ же надѣяться, что головка его не вскружится отъ первыхъ его успѣховъ, что онъ будетъ трудиться и трудиться и, главное, будетъ помнить, что если Богъ надѣлилъ его талантомъ, то на немъ и лежитъ большая отвѣтственность за Божій даръ, который достается только избраннымъ, что обязанность его своими трудами поддержать этотъ талантъ. Онъ не долженъ увлекаться первыми успѣхами и помнить, что искусство не имѣетъ предѣловъ, что человѣкъ долженъ трудиться во всю свою жизнь; пусть помнитъ, что теперь сдѣлано только начало, указавъ ему хорошій путь, по которому онъ долженъ пробиваться все далѣе и далѣе, стремясь къ совершенству. Мы будемъ неусыпно слѣдить за нимъ и безпристрастно отдавать отчетъ, идетъ ли онъ дѣйствительно впередъ; просимъ юнаго друга нашего помнить тоже, что у кого талантъ, тотъ и долженъ подчиниться самой строгой критикѣ. Въ музыкальномъ этомъ вечерѣ принималъ еще участіе г. Ратковскій, съ успѣхомъ исполнившій пѣсни Шуберта и чересскую пѣсню соч. г. Сѣтова. У г. Ратковскаго весьма симпатичный баритонъ,

онъ поетъ съ чувствомъ и увлеченіемъ, метода у него прекрасная, и на-сколько намъ извѣстно, онъ отлично преподаетъ уроки пѣнія: мы знаемъ одну изъ его ученицъ, въ короткое время сдѣлавшую большіе успѣхи.

Въ большей части концертовъ нынѣшняго года красуются превосходные флигеля изъ фабрики г. Беккера, который первый въ Россіи довелъ производство инструментовъ до возможнаго совершенства.

Но не довольно ли о концертахъ? Мы думаемъ что да, а все-таки мы не сказали обо всѣхъ бывшихъ по настоящее время; но это невозможно и бесполезно, часто полезнѣе даже объ иномъ умолчать. Г. Ютти, весьма талантливый скрипачъ и музыкантъ вообще, прекрасною своею игрою доставилъ намъ истинное удовольствіе въ своемъ концертѣ (въ прошедшее воскресенье). Долгомъ считаемъ тоже поблагодарить за участіе въ концертѣ любительницу нашу М. О. Лаврову, обладающую обширнымъ, сильнымъ и хорошо обработаннымъ голосомъ, который сдѣлалъ бы честь пѣвицѣ *ex professo*. Г-жѣ Лавровой много аплодировали и поднесли нѣсколько букетовъ. Съ большимъ удовольствіемъ прослушали мы еще въ этомъ концертѣ игру г. Чіарди, полюбивались тоже нашими хорошенкими артистками французской труппы въ живыхъ картинахъ, въ особенности г-жей Мила, но довольно; — хотите дѣйствительно насладиться, то отправляйтесь завтра въ Большой Театръ послушать превосходную игру г. Лауба; онъ исполнитъ опять концертъ Мендельсона и право одинъ этотъ концертъ стоитъ того, чтобъ театръ былъ полонъ.

Съ удовольствіемъ спѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ, что скоро знаменитый Апполинарій Контскій дастъ свой прощальный концертъ.

19 марта въ Большомъ Театрѣ назначенъ, по примѣру прошлыхъ годовъ, подъ управленіемъ даровитаго капельмейстера Дерфельдта, концертъ въ пользу инвалидовъ. И въ нынѣшнемъ году программа весьма интересная; между прочимъ будутъ исполнены: маршь Мендельсона Бартольди, увертюра изъ «Прециозы», разныя соло и пр. Въ концертѣ участвуютъ 1189 музыкантовъ и пѣвчихъ, — эффектъ громадный!

А не угодно ли вамъ послушать комическія піесни à la Levassor? въ такомъ случаѣ пригласите къ себѣ трехъ карликовъ, которые остаются нѣкоторое время еще въ Петербургѣ, съ намѣреніемъ пѣть свои веселыя піесни въ нашихъ гостиныхъ, а и карлики въ своемъ родѣ интересные микроскопическіе артисты; конечно мы называемъ ихъ микроскопическими по росту, а не по таланту. Затѣмъ въ самомъ дѣлѣ довольно.

М. РАППАПОРТЪ.

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

Обѣдъ, данный литераторамъ и журналистамъ А. Е. Мартынову, — Штокгаузенъ и Доръ. — Малопозвѣстная опера К. М. Вебера. — Рижскій театр. — Театральныя и музыкальныя извѣстія изъ Одессы. — Воронежскій театр. — Объ успѣхахъ г-жи Ингеборгъ-Штаркъ и г-на Таборовскаго, — Новая комедія Скриба. — Первые представленія новыхъ оперъ Фелисьена Давиля и Виктора Массе. — Дирекція Римской оперы и баритонъ Джеральдони.

Самымъ замѣчательнымъ событіемъ прошедшей недѣли былъ, безъ всякаго сомнѣнія, обѣдъ, данный литераторамъ

неподражаемому актеру нашему Александру Евстафьевичу Мартынову. Обѣдъ былъ давъ во вторникъ, въ одной изъ залъ французскаго ресторана Мартени (Дюссо); извѣстнѣйшіе литераторы и журналисты принимали въ немъ участіе.

Что побудило дать этотъ обѣдъ?

Непосредственнымъ поводомъ къ нему было высокохудожественное исполненіе г. Мартыновымъ послѣдней изъ созданныхъ имъ ролей, въ комедіи г. Чернышева «Не въ деньгахъ счастье», приложенной при № 5 нашего журнала. Какъ ни привыкли мы къ великому дарованію г. Мартынова, подарившему русскую сцену многимъ художественно созданнымъ типамъ и характерамъ, эта послѣдняя роль поразила всѣхъ безукоризненнымъ совершенствомъ, глубокою обдуманностію и крайнею простотою исполненія. Выше этого не видали мы еще ничего на русской сценѣ. Обѣдъ данный величайшему изъ современныхъ русскихъ актеровъ, — явленіе чрезвычайно отрадное и, смѣемъ думать, вполне вознаграждающее г. Мартынова за перенесенныя имъ несправедливости, за мелкіе и язвительные нападки непризнанныхъ и близорукихъ критиковъ. Слова, произнесенныя на этомъ обѣдѣ, рѣчь А. Н. Островскаго, стихи Н. А. Некрасова, получать гласность и покажутъ русской публикѣ, какъ чтятъ русскіе писатели величайшаго русскаго актера нашего времени. Самое событіе, безпримѣрное въ лѣтописяхъ русскаго театра, имѣетъ уже чрезвычайное важное значеніе. Былъ давъ такой же обѣдъ М. С. Щенкину, по случаю пятидесятилѣтняго служенія его искусству; но въдѣ А. Е. Мартыновъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ, во всей силѣ своего дарованія, которое не сказало еще своего послѣдняго слова, не дошло до крайнихъ предѣловъ своего развитія. На этомъ же обѣдѣ былъ поднесенъ Александру Евстафьевичу великолѣпный альбомъ съ фотографическими портретами всѣхъ участвовавшихъ въ обѣдѣ.

Мы общались нашимъ читателямъ біографію г. Мартынова, исполнимъ наше обѣщаніе въ самомъ непродолжительномъ времени и тогда расскажемъ въ подробности о данномъ ему обѣдѣ, о которомъ, по недостатку мѣста, упоминаемъ вкратцѣ, какъ о замѣчательнѣйшемъ событіи прошедшей недѣли.

Говорятъ, что на-дняхъ должны прибыть въ Петербургъ, а можетъ быть ужъ прибыли, еще два артиста изъ-за границы: пѣвецъ Штокгаузенъ, дававшій недавно концертъ въ Лейпцигѣ, и піанистъ Антонъ Доръ (Door); о послѣднемъ отзывается съ большою похвалою «Рижская газета». На пути въ Петербургъ, г. Доръ намѣренъ дать концерты въ Дерптѣ и Нарвѣ.

7 февраля давали въ Ригѣ, въ бенефисъ капельмейстера Отта, трехъактную романтическую оперу Вебера «Сильвани», неизвѣстную, вѣроятно, даже и по названію своему очень многимъ изъ нашихъ читателей. Веберъ написалъ ее, имѣя только четырнадцать лѣтъ отъ роду. Въ ней много, разумѣется, незрѣлаго, но, въ то же время, безпрестанно встрѣчаются знакомыя мелодіи и мотивы, встрѣчающіеся въ послѣдствіи, въ болѣе широкомъ развитіи, въ «Оберонѣ», «Фрейшюцѣ» и «Эвріантѣ».

А вотъ театральныя и музыкальныя вѣсти изъ Одессы, заимствуемыя нами изъ «Одесскаго Вѣстника».

Одессу можно, по всей справедливости, назвать филан-

тропическимъ городомъ. Сколько баловъ, маскарадовъ и спектаклей съ благотворительною цѣлью въ краткій промежутокъ времени между Новымъ годомъ и постомъ! Еще многое впереди; семь недѣль поста навѣрное не пройдутъ безъ благотворительныхъ концертовъ,—а между тѣмъ въ скоромъ времени готовятся аллегри въ пользу бѣдныхъ и новыя спектакли, причисляя къ нимъ и повторенія прежде-игранныхъ пьесъ. Почти всѣ сценическіе таланты нашей публики являлись предъ нами—не сценическою публикою, которая сыпала деньгами, слушала, смотрѣла и рукоплескала. Всѣ въ выигрышъ—и вѣроятно болѣе всѣхъ бѣдныя.

Не можемъ пройти молчаніемъ трехъ послѣднихъ благотворительныхъ спектаклей, на которыхъ присутствовали всѣ почти члены здѣшняго общества. 4-го февраля, по желанію публики, снова повторенъ спектакль, оживлявшій двѣ недѣли тому назадъ новый Одесскій Парæнопъ—залъ въ домѣ Вагнера. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, «L'amour à l'aveuglette», былъ сыгранъ также искусно, какъ и въ первый разъ. Г-жа Геденштромъ съ большою граціею, или вѣрнѣе натуральною (потому что все, что натурально, то граціозно)—, передала роль молодой вдовы, которая, по свойству всѣхъ вообще вдовъ, чувствуетъ неопредѣлимое... отвращеніе къ замужеству? спросите вы,.. ибѣтъ, влеченіе къ выходу замужъ и затрудняется только выборомъ. Пріятная опытность, пріятная, потому что большою частью опытность ведетъ къ разочарованію, не любить повтореній стараго,—въ настоящемъ случаѣ встрѣчается съ ужасающимъ препятствіемъ: молодая вдова, хотя и обладаетъ прекрасными глазами (магнетическими взорами), но ничего не видитъ предъ собою. Она дотога близорука, что въ пылу увлеченія объясняется въ любви своему камердинеру (г. Шапеллоу), тогда какъ это объясненіе было приготовлено для графа Лотреля (господинъ N. N.). Камердинеръ въ восторгѣ, графъ—въ отчаяніи все это въ порядкѣ вещей; въ претензіи одна только горничная вдовы (д-ца Соколова). Чѣмъ-бы все это кончилось?—неизвѣстно,—если-бъ у молодой вдовы не было въ запасѣ—своего оптика (г. Шейнсъ). Вотъ этотъ-то оптикъ, или вѣрнѣе—его очки,—и составляютъ настоящий *deus ex machina* (секретъ ларчика), который приводитъ всю исторію къ вожделѣнному концу. Пользуясь минутой, вдова успѣваетъ надѣть очки, къ которымъ питала тайное отвращеніе при людяхъ,—хотя для домашнихъ дѣлъ и употребляла очки сообразно ихъ назначенію,—и къ величайшему своему удовольствію открываетъ, что влюбленный въ нее графъ не дурень, молодецъ и строенъ, и что слѣдовательно годится въ мужья. Водевиль кончается тѣмъ, что всѣ довольны, всѣмъ пріятно и желанія всѣхъ удовлетворены.

Д-ца Соколова сыграла свою роль горничной также мило, какъ и прежде,—просто и спокойно. Эта простота дѣлаетъ вообще на насъ, зрителей, самое пріятное впечатлѣніе: чувствуется что-то успокоивающее, точно мы у себя дома. И сдружишь ужъ за каждый шагъ, каждый жестъ, каждую поту артистки, какъ это бываетъ, когда артистка снабжена только патентомъ на снисходительность и симпатію, т. е. молодостью или красотою.—Г. Шапеллонъ сдѣлалъ изъ своей роли камердинера все, что только можно было изъ нея сдѣлать. Онъ весьма искусно принялъ любовное признаніе своей барыни и вообще, во все продолженіе пьесы, выдерживалъ свой характеръ съ тою развязностью и съ тѣмъ искусствомъ, которыя вообще свойственны французской

націи, не только на сценѣ, но и въ жизни, и который всегда неразлучны съ г. Шапеллономъ на сценѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ игралъ съ одушевленіемъ и съ умѣньемъ опытнаго «*guerrier*».—Слѣдующій за тѣмъ водевиль «*Un vilain monsieur*» (или какъ переводится онъ въ русскомъ репертуарѣ—Женихъ съ веревки) былъ разыгранъ съ большимъ искусствомъ г-мъ Волковымъ—въ роли стараго буржуа, къ которому вторгается непрошенный гость, и г-мъ Маразли въ роли непрошеннаго гостя, или жениха съ веревки.

Оживленная игра гг. Волкова и Маразли во многомъ выкупала монотонность сюжета водевиля, ктому же вовсе не ладищаго ни въ какомъ отношеніи съ русскими правами. Нельзя не упомянуть также о вѣрномъ и прекрасномъ пѣніи, въ продолженіи спектакля, г-жи Геденштромъ, д-цы Соколовой, г. Волкова и г. Шапеллона. Словомъ, общее впечатлѣніе спектакля 4-го февраля было весьма благоприятно для участвовавшихъ въ немъ любителей и любителей, что и было выражено многократными взрывами рукоплесканій.

Другой спектакль—10-го февраля—происходилъ въ зданіи театра, въ присутствіи многочисленной публики, блиставшей роскошью вечернихъ туалетовъ.

Давали «Клермонъ», французскую драму, и «Новички въ любви», водевиль. Спектакли любителей имѣютъ вообще то огромное преимущество предъ обыкновенными спектаклями, что въ нихъ публика можетъ, какъ въ зеркалѣ, видѣть и мысленно критиковать самое-себя,—то-есть, критиковать не въ провинціальномъ смыслѣ слова, не охуждать и порицать, а хладнокровно и безпристрастно разбирать свои красоты, достоинства и, если есть (?), то и недостатки. Кромѣ того, въ нихъ дѣлается выборъ дѣйствующихъ лицъ, въ нихъ проявляется утонченная грація свѣтской жизни и роскошь нарядовъ, которыя не всегда доступны для обыкновенныхъ спектаклей. Съ этой точки зрѣнія, театральныя судія не имѣютъ надобности быть снисходительными и, не опасаясь варіировать на старую тему, должны подать одобрительный толкъ. И дѣйствительно онъ былъ поданъ, потому что, начиная съ момента поднятія завѣса благотворительнаго спектакля, драма «Клермонъ», во все время игры, представляла невиданную еще роскошь на сценѣ Одесскаго театра. Водевиль «Новички въ любви» блисталъ всею прелестью граціи, чему также болѣе способствовали игравшіе, нежели роли. Такое сочетание всѣхъ лучшихъ и увлекательныхъ драматическихъ атрибутовъ на нашей сценѣ всякій разъ привлекало къ ней многочисленныхъ зрителей, 4-го, 10-го, и 13-го февраля. Въ этотъ послѣдній день повторяли «Свадьбу Кречинскаго» съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ первый разъ.

Ко всѣмъ сценическимъ развлечениямъ послѣдняго времени, можемъ прибавить еще нѣкоторые слухи, которые, въ случаѣ ихъ осуществленія, обѣщаютъ намъ богатый запасъ наслажденій и на лѣтнее время. Говорятъ, что нѣкоторые артисты нынѣшней италіанской труппы оставляютъ нашъ городъ, такъ что весною и лѣтомъ, по примѣру столицъ, представленія оперы прекратятся. Находятъ, что въ это время года оперныя спектакли не достаточно окупаются. Какъ бы то ни было, если записные посѣтители италіанской оперы и будутъ оттого затрудняться въ наилучшемъ способѣ провести вечеръ, то имъ остается въ утѣшеніе одинъ пунктъ

тѣхъ же слуховъ, именно: что примадонна д-ца Поцци остается и на лѣто и на будущій сезонъ. Пѣвица эта, конечно, одно изъ капитальныхъ пріобрѣтеній прошлаго сезона, и весьма желательно было бы видѣть ее у насъ на сценѣ и на слѣдующіе годы.

Изъ другихъ провинціальныхъ городовъ нашихъ вѣстей немного.

Въ Полтавѣ будетъ, какъ мы слышали, постоянная труппа. Харьковскій театръ лишится лучшаго своего актера, г. Пронскаго, который ангажированъ на сцену Александринскаго Театра и долженъ на-дняхъ быть здѣсь. Вообще харьковская труппа, какъ пишетъ одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ, находится въ довольно грустномъ положеніи и директоръ харьковского театра, г. Щербина, ѣдетъ въ Москву и Петербургъ, для ея укомплектованія. Воронежъ очень доволенъ своей труппой, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ «Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостей»:

«Театръ нашъ, и по устройству своему, и по составу труппы, занимаетъ не послѣднее мѣсто между провинціальными театрами. У насъ есть весьма даровитые артисты, игрою которыхъ восхищается воронежская публика, какъ-то: г-жи Мочалова, Фабіанская и гг. Никитинъ и Васильевъ. Во время дворянскихъ выборовъ театръ былъ всегда полонъ, и наши артисты-бенефицианты, безъ сомнѣнія, не были отъ этого въ накладѣ.»

Концерты и другія важныя извѣстія заняли столько мѣста, что мы можемъ упомянуть только о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ въ театральнѣй и музыкальнѣй сферѣ у западныхъ сосѣдей нашихъ.

Первый концертъ талантливой нашей піанистки г-жи Ингеборгъ-Штаркъ, въ Парижѣ, въ залѣ Герца, увѣнчанъ былъ блестящимъ успѣхомъ. Г-жа Штаркъ исполнила классическую музыку и заслужила восторженные рукоплесканія слушателей, въ числѣ которыхъ находился и Жюль Жаненъ.

Другой нашъ соотечественникъ, скрипачъ Таборовскій, участвовавъ во второмъ вечерѣ брюссельскаго Филармоническаго Общества и произвелъ игрою своей такое выгодное впечатлѣніе, что его тотчасъ же ангажировали въ Гентъ и Литтлхъ. Слава Богу! русскимъ артистамъ все болѣе и болѣе везетъ за границей.

На сцену перваго Французскаго театра въ Парижѣ поставлена новая трехактная комедія Скриба и Бьевилля «Любовныя мечтанія — *Reves d'amour*». Эта комедія возбуждаетъ, вѣроятно, противъ г. Скриба гнѣвъ критики и влюбленныхъ поэтовъ. Онъ не любитъ громкихъ фразъ и романтическихъ сантиментальностей. Онъ большой скептикъ. Мы обязаны ему множествомъ премилыхъ парадоксовъ въ дѣйствіи, которые уничтожали много пріятныхъ самообольщеній и восхителныхъ предразсудковъ. Скрибъ доказалъ, что не слѣдуетъ вѣрить въ вѣчность первой любви, а что лучший день въ жизни бываетъ иногда богатъ ужаснѣйшими огорченіями. Подсмѣиваясь иногда надъ бѣдными мужьями, этими вѣчными жертвами комедіи, онъ безпощадно казнилъ любовниковъ, смущающихъ семейное счастье. Этими Скрибъ оказалъ большую услугу обществу. Новая его комедія написана въ этомъ же духѣ, уже обогатившемъ его и театръ «Драматической Гимназіи». Интрига ея не сложна, а основная идея проста.

У г-жи Дамилонъ прекрасный мужъ, но она неволиѣ наслаждается своимъ счастьемъ, потому что ее преслѣдуетъ воспоминаніе о молодомъ морскомъ офицерѣ, котораго она считаетъ умершимъ. Сестра мужа подаетъ ей наплучшіе со-

вѣты, которые остаются безъ послѣдствій. Сестру это, впрочемъ, не очень беспокоитъ, потому что молодой человѣкъ, о которомъ мечтаетъ г-жа Дамилонъ, умеръ и слѣдовательно вреденъ быть не можетъ. Но вдругъ онъ воскресаетъ и является къ г-жѣ Дамилонъ, которая приходитъ въ ужасъ и считаетъ себя погибшею. Она однако же не гибнетъ, потому что молодой человѣкъ пришелъ просить руки ея хорошенькой сестры. Г-жа Дамилонъ успокаивается и цѣлуетъ своего мужа ужъ безъ угрызений совѣсти. Въ этой комедіи есть много прехорошенькихъ сценъ.

Первое представленіе новой оперы Фелисьена Давида, «Геркуланумъ» привлекло многочисленную публику. Всѣ сенсионисты, къ числу которыхъ принадлежитъ и композиторъ, были на-лицо. Они дружно рукоплескали, но этотъ энтузіазмъ, по словамъ газеты «*La France Musicale*», нѣкого не обманулъ. Есть въ новой оперѣ очень хорошенькія мѣста, но итъ въ ней, все по словамъ той же газеты, ничего вымышленнаго, величественнаго, сильно-драматическаго. Въ ней много мотивовъ, которые напоминаютъ Роберта, Гугенотъ, Вильгельма Телли, Цампу, Беатриче ди Тенда, Норму и Джованни ди Гусманъ. Непонятно, какимъ образомъ Фелисьенъ Давидъ, написавшій *Пустыню*, *Христофора Колумба* и *Жемчужину Бразиліи*, не сумѣлъ воспользоваться такимъ содержаніемъ своего новаго либретто. Мѣста, которыя заставили повторить, чуть ли не слабѣйшія въ оперѣ. Впрочемъ, Орфей сень-симонизма имѣлъ весьма удовлетворительный успѣхъ, хотя его оперу было бы приличнѣе назвать ораторіей. Много, очень-много дарованія видно въ этой оперѣ, но, къ сожалѣнію, не видно въ ней гениальности. Постановка пьесы великолѣпна, а танцы, въ нее вставленные, въ которыхъ главное мѣсто принадлежитъ Эммѣ Ливри, довольно-плохи.

Новая опера г. Виктора Массе, «Волшебница Карабосса», игравшая на Лирическомъ Театрѣ, также имѣла успѣхъ, хотя либретто ея не отличается новизною вымысла, а музыка не принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній своего автора. Его «Свадьба Жаннеты» и «Гаматей» несравненно выше. Либретто напоминаетъ давно извѣстныя оперы «Пиковую даму» и «*La Fée aux roses*». Въ музыкѣ есть кое-что хорошее, но есть и такія мѣста, которыя трудно объяснить себѣ. Опять часто встрѣчаются въ ней *унисоны*; почти всѣ хоры, напримѣръ, написаны *унисонами*.

Оказывается, что либретто новой оперы Верди, о которой мы уже говорили, есть ничто иное, какъ переделанное либретто извѣстной оперы Обера «Густавъ». Въ третье представленіе Вердѣвской оперы случилось довольно забавное происшествіе. Баритонъ Джиральдонни внезапно заболѣлъ. Директоръ послалъ къ нему врача, который пашель, что пѣвецъ недостаточно нездоровъ, чтобы отказываться отъ участія въ представленіи. Вслѣдствіе этого были посланы жандармы и бѣднаго Джиральдонни привезли въ театръ насильно. Зала была, какъ говорится, биткомъ набита. Когда пришла очередь Джиральдонни пѣть, онъ подошелъ къ рампѣ и, обращаясь къ публикѣ, сказалъ: *Меня привезли насильно, и пѣть не могу*. Поднялся страшный шумъ. Пѣвица отвезли домой и приставили къ его квартирѣ караулъ. Въмѣсто новой оперы дали «Норму», отъ которой вся публика разбѣжалась. Черезъ три дня Джиральдонни выздоровѣлъ и новая опера снова появилась на афишѣ. Думали, что въ театрѣ произойдутъ безпорядки, но, сверхъ всякаго чаянія, все обошлось благополучно и Джиральдонни имѣлъ успѣхъ неслыханный, равный

успѣху самого Верди, котораго при каждомъ представленіи вызываютъ не менѣе тридцати разъ.

Выписываемъ изъ Сѣв. Пч. еще двѣ новости, касающіеся театральнаго міра.

Извѣстный нѣмецкій писатель Дингельштедтъ, директоръ веймарскаго Придворнаго Театра, задумалъ нынѣшнимъ лѣтомъ торжествовать столѣтіе рожденія Шиллера. Съ 11-го до 30-го іюня будутъ представлены на веймарскомъ театрѣ всѣ драматическія творенія великаго поэта въ хронологическомъ порядкѣ. Для сего съѣдутся тамъ первые артисты изъ всѣхъ странъ Германіи. Праздникъ начнется 9-го іюня представленіемъ торжественнаго пролога, сочиненнаго Фридрихомъ Гальмомъ, и исполненіемъ музыкальной композиціи Листа и 9-й симфоніи Бетховена на слова Шиллеровой «Пѣсни радости»: *Freude, schöner Götterfunken*.

Недавно произведены были въ Берлинѣ опыты надъ веществомъ, сообщающимъ несгораемость дереву, холсту и пр. Нѣкто Г. въ Руанѣ объявилъ, что сдѣлалъ такое же открытіе. Средство состоитъ въ бѣломъ порошокѣ, легко распускающемся во всякой жидкости. Впослѣдствіи эта жидкость стучается и намазанные ею предметы становятся несгораемыми. Правда, что если поднести напитанную имъ вещь прямо къ огню, она загорается, но только въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ огнемъ; далѣе огонь не распространяется. Недавно сдѣланы были съ этимъ способомъ опыты въ большихъ размѣрахъ, въ театрѣ: этою жидкостью вымазали всѣ декорации, завѣсы, скамьи и логи. По всему театру разбросали деревянныя стружки, насыпали ихъ терпентиннымъ масломъ и зажгли; нѣкоторыя легкія матеріи загорѣлись, но огонь не распространился далѣе. Балетныя танцовщицы, часто припущенныя подходить близко къ лампамъ на авансценѣ и подвергающіяся при этомъ большой опасности, сдѣлали бы очень-хорошо, еслибы обратили вниманіе на это изобрѣтеніе.

М. Р.

ПЕРЕСТРОЙКА ТЕАТРОВЪ.

Театральная дирекція намѣревается воспользоваться свободнымъ лѣтнимъ временемъ, чтобы многое преобразовать, построить, перестроить, и съ новымъ блескомъ, съ новыми очарованіями встрѣтить, осенью, своихъ и чужихъ корреспондентовъ.

Мы съ радостью внимаемъ этому предвѣщанію, желая искренно видѣть и по этой части нѣкоторыя необходимыя улучшенія.

Вообще, кстати сказать, нельзя не удивляться малочисленности театральныхъ зданій въ столицѣ, имѣющей до пяти сотъ тысячъ жителей и исключительно предъ всѣми прочими столицами Европы удовлетворяющей артистическимъ потребностямъ трехъ разноразличныхъ народностей. Говоря же о самыхъ существующихъ зданіяхъ, мы уже упомянули о недостаткахъ Александринскаго Театра. И кто изъ посѣщающихъ его не согласится съ нами? Кто не пожалѣетъ объ участи актеровъ, обрѣченныхъ бороться на сценѣ съ такими недостатками, кои равно чувствительны, какъ для зрителя, такъ и для самого играющаго! Сидящіе въ первыхъ двухъ трехъ рядахъ креселъ или въ предценныхъ ложахъ могутъ лишь одни различать произносимыя на сценѣ слова, до всѣхъ же прочихъ слушателей доходитъ лишь одинъ гулъ.

То же самое можно было сказать и о сгорѣвшемъ Театрѣ-Циркѣ; но тутъ оно объяснялось довольно-естественно

первоначальнымъ назначеніемъ зданія, которое, лишь впоследствии и по возможности, было приспособлено къ сценическимъ представленіямъ.

Итакъ, за исключеніемъ Большаго Театра, Михайловская зала одна была построена довольно-удачно въ акустическомъ отношеніи, но и та, къ сожалѣнію, въ такихъ размѣрахъ, что кто бы въ пей ни игралъ, она, по стѣпенному своему объему, далеко не удовлетворяла потребностямъ и весьма основательному предпочтенію посѣтителей.

Дирекція же Театровъ лишалась здѣсь вѣрныхъ доходовъ, которые увеличатся безошибочнымъ расчетомъ во столько, во сколько можно будетъ, безъ ущерба акустическимъ ея достоинствамъ, увеличить самый размѣръ Михайловской залы. Впрочемъ, какъ мы сказали, всѣ эти недостатки обратили уже на себя вниманіе Правительства, которое, среди всеобъемлющихъ заботъ своихъ о высшихъ нуждахъ государства, простерло и на этотъ второстепенный вопросъ попечительную свою дѣятельность.

Съ наступленіемъ весны начнутся единовременно работы для перестройки Театра-Цирка, и для увеличенія залы Михайловскаго Театра. Высочайше утвержденные проекты для того и другаго составлены извѣстнымъ нашимъ специалистомъ по этой части, архитекторомъ Кавосомъ, коего одно имя ручается намъ въ удачномъ исполненіи обоихъ предпріятій.

По всего важнѣе и утѣшительнѣе то, что предположенія эти, кои осуществятся, въ одно время, новое украшеніе для столицы и новыя удобства для увеселенія ея жителей, предназначено привести въ дѣйствіе безъ малѣйшаго обремененія для государственной казны, ни для городскихъ доходовъ.

Издержки, предполагаемыя на перестройку Театра-Цирка, въ объемѣ и по образцу Московскаго Театра, и на увеличеніе Михайловской залы, исчислены, какъ говорятъ, до 900,000 руб. сер., или около того. Сумма же сія будетъ позаймствована, частью изъ капитала, образовавшагося въ Удѣльномъ Управленіи изъ собственныхъ доходовъ Императорскаго Дома, и который Государь Императоръ благоволилъ предоставить заимообразно Театральной Дирекціи, частью изъ экономической суммы, имѣющейся въ капитулѣ Россійскихъ Ордеповъ. Займы сіи будутъ произведены на банковыхъ правилахъ, т. е. съ ежегодною уплатою въ то и другое вѣдомства процентовъ и погашенія капитала.

Такимъ образомъ Театральная Дирекція, по весьма обременительному для нея расчету, уплатитъ въ 33-хъ-лѣтній срокъ суммы, занимаемыя ею нынѣ, и отъ употребленія коихъ она можетъ несомнѣнно ожидать такого приращенія доходовъ, которымъ съ избыткомъ покроются припимаемая ею долговья обязательства.

При такомъ удачномъ финансовомъ оборотѣ остается лишь поблагодарить министерство Императорскаго Двора за счастливую мысль, за столь удачное соглашеніе столь разнородныхъ интересовъ: большій просторъ увеселеній и съ тѣмъ вмѣстѣ сбереженіе государственной казны.

Остается сожалѣть объ одномъ, что исправленіе Александринскаго Театра, уже утвержденное и долженствовавшее быть первою театральною работою нынѣшняго года, должно было, по несчастному случаю пожара Театра-Цирка, быть отложено до другаго времени. Но исправленіе существующаго должно, естественнымъ образомъ, уступить мѣсто возстановленію утраченнаго. Ни публика не можетъ оставаться безъ театра, ни

Театральная Дирекція безъ зданія, представляющаго почти четвертую часть ея доходовъ.

Будемъ однако же надѣяться, что года чрезъ два, какъ памъ обѣщаютъ, найдутся средства для преобразованія и Александринскаго Театра согласно высокому достоинству представляющихся на немъ родныхъ нашихъ талантовъ.

СВВ. ПЧ.

ЮНОСТЬ БЕТХОВЕНА.

Бетховенъ лишился отца въ самомъ раннемъ возрастѣ. Юность великаго композитора прошла довольно грустно, по временамъ судьба, какъ прихотливая красавица, улыбалась бѣдному юношѣ. Наконецъ, настало время, когда Бетховенъ узналъ счастье и страданіе. Молодая рождественница семейства Бетховена, которой родители жили въ Кельнѣ, пріѣхала въ Боннъ. Лудвигъ увидѣлъ Аделанду! Тогда только юноша почувствовалъ тысячекратную радость, озаряющую землю съ восходомъ солнца до его заката; первоначальный источникъ свѣта сдѣлался для него ясенъ, грудь его вдохнула небесный воздухъ.

Мы вовсе не намѣрены рассказывать читателямъ исторію несчастной любви въ повѣйшемъ вкусѣ. Скажемъ въ двухъ словахъ: Лудвигъ любилъ, былъ обманутъ, осмѣянъ—и наконецъ узналъ горечь измѣны.

Первое страданіе отвергнутой любви очистило душу Лудвига; въ груди его было тихо, какъ въ потухшемъ волканѣ.

Хотя со-временемъ изъ треснувшихъ стѣнъ волкана вырастаютъ зеленая трава и душистые цвѣты, въ душѣ Лудвига не могла уже разцвѣсть весна любви.

Но и весна его искусства угрожала исчезнуть, прежде чѣмъ цвѣты его распустились, потому что высшее, часто даже единственное благо артиста, — довѣріе къ самому себѣ, начало мало-по-малу колебаться. Какъ и въ послѣдствіи, Бетховенъ никогда не домогался одобренія толпы. Онъ думалъ и чувствовалъ и потокъ его звуковъ изливался въ пылкомъ святомъ восторгѣ. Лучшей наградой его было сознаніе, что онъ постоянно стремился къ благородному и къ одобренію истинныхъ знатоковъ.

Но если лучшимъ повѣйшимъ композиторамъ трудно слѣдовать его примѣру, то еще труднѣе было тогдашнимъ его послѣдователямъ, строго придерживавшимся обычной формы и считавшимъ всякое уклоненіе отъ нея измѣной и предательствомъ. Моцартъ, несмотря на свою упроченную славу, несмотря на то, что имя его всюду произносилось съ энтузіазмомъ, перенесъ не мало борьбы за нововведенія, которые пытался ввести въ область музыки.

А Лудвигъ, въ то время, неизвѣстный, девятнадцатилѣтній юноша, избралъ еще болѣе смѣлый путь и за это подвергся общему осужденію. Даже учитель его, Неффе, называвшій до тѣхъ-поръ Бетховена своей гордостью и радостью, говорилъ теперь съ горечью, что ученикъ его не оправдалъ его ожиданій, и если будетъ продолжать придерживаться разныхъ нововведеній, то совершенно погибнетъ для истиннаго искусства.

— Неужели, вскричалъ Лудвигъ, услышавъ этотъ отзывъ, неужели все, что я чувствую, все, что поддерживаетъ меня въ печали, все это ложь? О, Боже! Что же остается правды на землѣ?... Господи, пошли мнѣ лучше смерть, потому что вся жизнь моя, въ такомъ случаѣ, ничто иное какъ непрерывный обманъ!...

Поддерживая руками голову, устремивъ глаза на одну точку, сидѣлъ въ одно утро Лудвигъ у маленькаго окошечка своей комнаты.

Кто-то постучался у дверей—*piano, pianissimo, crescendo forte, fortissime!* — Но Лудвигъ ничего не слышалъ и не закричалъ «войдите!» Дверь немного отворилась и въ щель просунулся длинный, значительно красивый носъ, показались два маленькіе черные огненные глаза, надъ которыми нависли густыя черныя брови, и наконецъ появилось сморщенное, добродушно-веселое лице Петера Пирада.

Герръ Петеръ Пирадъ былъ придворный литавричикъ курфирета и немного помѣшанъ на томъ, что, считая себя виртуозомъ на многихъ инструментахъ, провозглашалъ литавры совершеннѣйшимъ, самымъ мелодическимъ, грандіознымъ инструментомъ, а въ оркестрѣ билъ только въ литавры, *partolement*, какъ онъ говорилъ. Впрочемъ онъ былъ честнѣйшій человекъ въ мірѣ, и невозможно было удержаться отъ смѣха при видѣ этой маленькой, сухощавой фигурки, которая во всякое время года прогуливалась въ старомъ свѣтло-желтомъ байковомъ сюртукѣ, зеленыхъ атласныхъ панталонахъ, черныхъ шерстяныхъ чулкахъ и баснословной поярковой шляпѣ. Но несмотря на смѣшной нарядъ и множество странностей, Петеръ Пирадъ слылъ за добрѣйшаго и отличнаго малаго.

Лудвигъ Бетховенъ еще въ дѣтствѣ любилъ добраго литаврищика, игралъ съ нимъ, бѣгалъ по горамъ и восхищался его неизсякаемою веселостью;—вотъ почему Петеръ Пирадъ несказанно удивился, замѣтивъ, какъ въ нѣсколько мѣсяцевъ измѣнился его любимецъ, пугавшійся махѣйшаго стука и не обратившій вниманія на его *фортиссимо* у двери.

Петеръ Пирадъ рѣшился наконецъ войти въ комнату, тихо подошелъ къ мечтателю, слегка дотронулся до его плеча и сказалъ нѣжнымъ голосомъ: скажите-ка Луди, какой *Sakermenter* засѣлъ къ вамъ въ голову, что вы не слышали, какъ я стучался и вошелъ?

Лудвигъ вздрогнулъ, поднялъ голову и, узнавъ своего стараго друга, радостно пожалъ ему руку.

— Какъ видите, продолжалъ Петеръ Пирадъ, это я, всей своей персоной, благополучно возвратился изъ артистической поѣздки въ Вѣну. Ахъ! Луди! Луди! вотъ городъ такъ городъ! Волкъ меня заѣлъ! канальская жизнь! Каждый день что-нибудь новое! Вотъ ужъ можно сказать, что тамъ: *Mädel wie die Schwestern!* а какія сдобныя булки, какія печенія! въ полномъ смыслѣ *admirabilisch!* Да накажетъ меня Богъ! Какой артистъ съ радости не спитъ тамъ съ ума! А какіе тамъ артисты: Альбрехтсбергъ, Гайднъ, Моцартъ, Сальери,—вѣдь это рай, не правда ли. Луди? Вамъ надобно непременно ѣхать въ Вѣну.—Разсказывая, Петеръ Пирадъ размахивалъ руками, какъ-будто билъ въ свои литавры и дѣлалъ при этомъ такія смѣшныя гримасы, что Лудвигъ, несмотря на свою грусть, хохоталъ отъ души.

— *Sakerment!* весело вскричалъ Пирадъ. — Вы опять смѣтаетесь какъ прежде, вотъ это *bon!* Это значить, что скверная тоска отправилась къ проклятому сатанѣ. Да, да! волкъ ее заѣлъ!... Ужъ если Петеръ Пирадъ вошелъ въ комнату, то никто не смѣетъ вздыхать въ минорномъ тонѣ; волкъ меня заѣлъ, вы должны мнѣ непременно сказать, Луди, отчего были въ дурномъ расположеніи духа? *Tausend Sakerment!*... развѣ опять какой-нибудь вздорный кулакъ пробилъ кожу въ литаврахъ? О! это невыносимо! между литавричками есть такіе безмозглые ослы, что мочи нѣтъ! Клянусь вамъ, Луди, вы скорѣе познакомитесь съ чортомъ, чѣмъ

найдете литаврищика, такъ страстно любящаго свое искусство, какъ я, старый, честный Петеръ Пирадъ! Вы знаете, васъ я также очень люблю и потому извольте прямо говорить, что съ вами?

— Всѣ мои мечты и надежды рушились, возразилъ Лудвигъ. Ахъ, Пирадъ! ты также быть можетъ не поймешь меня? Конечно, я пожалуй заблуждаюсь, но ты всегда мнѣ показывалъ расположеніе и вѣрную дружбу; я открою тебѣ свое сердце, потому что молчать болѣе не въ силахъ.—И Бетховенъ разсказалъ своему запыхавшемуся слушателю все, что случилось съ нимъ въ самой ранней юности до измѣны Адельанды, неудовольствіе своего учителя и собственное сомнѣніе въ своихъ силахъ.

Когда Лудвигъ кончилъ разсказъ, Петеръ Пирадъ промолчалъ съ минуту и размышлялъ о чемъ-то, приложивъ указательный палецъ къ своему длинному носу. Наконецъ началъ говорить очень медленнымъ и пѣвучимъ тономъ:

— О Луди! это монструозная исторія!—Но я всегда говорилъ: вашъ покойный герръ папá, упокой Господи его душу, самъ не зналъ, чего хотѣлъ и что дѣлалъ, и не угадалъ вашего призванія. Что же касается до любви, то это просто *ein sakrmentisches Thema*, которую разобрать какъ слѣдуетъ не умѣютъ даже чортъ и его бабушка. Волкъ заѣлъ вашу любовь, говорю я, и *volti subito!*... выбейте эту дрянь изъ головы. Молодая дѣвчонка напоминаетъ мнѣ всегда дерзкую трубу; та все лезетъ впередъ, воображая, что совершеннѣйшій инструментъ во всемъ оркестрѣ, а всѣ прочіе должны согласно ей воодушевляться. Но громъ и молнія! мои литавры поневолѣ заглушаютъ этотъ гнусный гикъ и гакъ! Поэтому, Луди, выбросьте трубу изъ вашей партитуры, а вмѣсто нея возьмите хорошо мнѣ знакомую флейту! Моя флейта не забирается въ высшія октавы, зато выдерживаетъ самыя сильныя и нѣжныя средніе тоны и идетъ съ прочими инструментами въ прекраснѣйшемъ *unisono*. Что же касается до придворнаго органа, герра Неффе, то это все равно, еслибъ вздумали играть съ фальшивымъ тактомъ. Объ геррѣ Юнкерѣ я совсѣмъ не хочу говорить, тотъ не знаетъ контранпункта въ музыкѣ, или, какъ бы выразился какой-нибудь профанъ искусства, отъ множества деревень онъ не видитъ лѣса! Вѣдь я собственными своими ушами слышалъ, какъ онъ разъ безстыдно утверждалъ, что литавры совершенно лишній инструментъ! Слышите, Луди,—литавры бесполезный инструментъ! Громъ и... да развѣ великій Гайднъ,—да благословить его за это Господь,—не начинается одну изъ своихъ дивныхъ симфоній единымъ ударомъ литавръ. Можете ли вы себѣ представить

Dies irae, dies illa, безъ литавръ? Въ Вѣнѣ я билъ въ литавры въ *Донъ-Жуанъ*. Я старался изо всѣхъ силъ, потому самъ Моцартъ дирижировалъ оркестромъ. Правда, въ первомъ финалѣ я былъ довольно спокоенъ; но въ сценѣ, когда каменный командоръ изъясняетъ свое обѣщаніе явиться на пиръ и смущенный Донъ-Жуанъ въ глухомъ оцѣпенѣніи приказываетъ своему лакею, (тутъ Петеръ Пирадъ заплѣлъ съ трагическимъ жестомъ: *Leporello! altra cena facha subito si porti!*), между тѣмъ какъ литавры громкимъ ударомъ выражаютъ боязливый трепетъ сердца испуганнаго грѣшника,—*Sakrment, Луди!*—я такъ ударилъ въ литавры, что ледяная дрожь пробѣжала по тѣлу! И послѣ этого литавры бесполезный инструментъ!—о!... Ну, а вашъ-то учитель, Луди; я удивляюсь, что вы такого знаменитаго ѣздока вашими нововведеніями совсѣмъ не вышибли изъ сѣдла. Знаю, что многіе прекрасные и ученые люди считаютъ меня глупымъ шуткомъ и пошлымъ дуракомъ, но зато я знаю многое, чего эти прекрасные и ученые люди не знаютъ. Напримѣръ: искусство чудное наслѣдство, которое оставили намъ наши предки и которое мы обязаны усовершенствовать; къ несчастію между наслѣдниками есть много такихъ, которые говорятъ: «Капиталь довольно великъ, зачѣмъ еще его увеличивать! Ктому же лучше имѣть воробья въ рукахъ, чѣмъ голубя на крышѣ». Чортъ бы побралъ этихъ людей! Они довольствуются уплатою самыхъ жалкихъ процентовъ и кричатъ *karaulz*, когда благородный и честный человѣкъ противопоставляетъ высшему высшее. Развѣ отважный поборникъ святаго искусства не долженъ стремиться вѣрно исполнять послѣднюю волю завѣщателя и не тратить по-пустому дарованныхъ ему Богомъ силъ?

— Нѣтъ, тысяча чертей! нѣтъ и нѣтъ, и ударю тутъ же *fortissimo D A!* Въ видѣ *коды* замѣчаю вамъ, что считаю васъ за прямаго наслѣдника, имѣющаго не только волю, но и силу бороться съ врагами искусства. Смѣлѣй! бодрѣй! и *allegro assai* въ Вѣну! Вѣдь здѣсь нѣтъ никого, кому бы можно было подражать, а тамъ вы найдете Моцарта, Гайдна, Альбрехтсбергера и двухъ юношей, Волфля и Гуммеля, истинныхъ талантовъ. Годъ, даже мѣсяцъ, проведенный, въ Вѣнѣ, будетъ вамъ полезнѣе, чѣмъ десять лѣтъ жалкой жизни въ этомъ городкѣ. Тамъ вы тотчасъ узнаете, есть ли у васъ талантъ, старайтесь только воспользоваться совѣтами Моцарта.

— Ты правъ! вскричалъ Лудвигъ, вскочивъ съ мѣста, съ сверкающими глазами, благодарю тебя, Петеръ! А если кто-нибудь осмѣлится назвать тебя трусомъ и глупцомъ, то я его убью. Да, да, въ Вѣну! въ Вѣну!...

(Продолженіе въпредѣ.)

Въ музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта № 27, въ С. ПЕТЕРБУРГѢ, ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:
ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ВЪ ДВѢ РУКИ:

WENLE, CHARLES. Brindisi. (Chanson à boire) 75 к. с.
Un songe à Vacluse. Reverie-Nocturne 60 — —

— Marche cosaque 60 — —
Выше-объявленные сочиненія имѣютъ быть исполнены сегодня самимъ композиторомъ въ его концертѣ.

Всѣ безъ исключенія сочиненія г. Веле можно получать въ магазинѣ Ф. Стелловскаго. ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ выйдетъ изъ печати въ магазинѣ Ф. Стелловскаго съ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМЪ ПРАВОМЪ СОБСТВЕННОСТИ новое сочиненіе К. ВЕЛЕ:

5-e GRANDE VALSE POUR LE PIANO, op. 50.

Требованія и. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.

Печатаѣ позволивается. С. Петербургъ, 14 марта 1859 года. Цензоръ Д. Мацкевичъ.

Въ типографіи Я. Іонсона.

Редакторъ М. РАППАПОРТЪ.

Издатель Ф. СТЕЛЛОВСКІЙ.